

УДК 785(73)
ББК 85.318
Т80

Paul Trynka
IGGY POP: OPEN UP AND BLEED

Печатается с разрешения Intercontinental Literary Agency (ILA)

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Для оформления обложки фотоматериалы предоставлены фотобанком
Getty Images (Luca Carlino/NurPhoto via Getty Images)

Перевод с английского *А. Герасимовой (Умки) и А. Бессонова*

Трынка, Пол.

Т80 Игги Поп. Вскройся в кровь / Пол Трынка : [пер. с англ. А. Герасимовой и А. Бессонова]. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2020. — 416 [32] с: ил. — (MUSIC LEGENDS & IDOLS).

ISBN 978-5-17-109505-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-1-84744-018-1 (англ.)

«Через все физические и ментальные разрушения, катастрофы и отказы, десятилетие за десятилетием, Игги Попа пронес и благополучно вытащил его создатель, Джим Остерберг. Сегодня легенда и музыка Игги Попа прославлены. И все же за ними стоит бесчисленное множество запутанных историй и тайн. Каким образом один и тот же музыкант мог быть столь почитаем и столь гоним? Как мог один и тот же человек быть так умен и так глуп?» (П. Трынка)

УДК 785(73)
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-109505-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-1-84744-018-1 (англ.)

© Paul Trynka, 2007 www.trynka.com
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Оглавление

Пролог: I Never Thought It Would Come To This	7
Глава 1. Most Likely To	16
Глава 2. Night of the Iguana	40
Глава 3. The Dum Dum Boys	67
Глава 4. Oh My, Boo Hoo	92
Глава 5. Fun House Part I: I Feel Alright	116
Глава 6. Fun House Part II: This Property is Condemned.	131
Глава 7. Street-walking Cheetah	149
Глава 8. She Creatures of the Hollywood Hills	163
Глава 9. Beating a Dead Horse	177
Глава 10. Kill City	207
Глава 11. The Passenger	232
Глава 12. Here Comes My Chinese Rug.	256
Глава 13. Missing in Action.	268
Глава 14. The Long, Long Road	290
Глава 15. Night of the Zombies.	308
Глава 16. Hideaway	318
Глава 17. Undefeated	340
Глава 18. The Reptile House	368
Комментарии переводчиков	380
Благодарности.	412

*Посвящается моим китайским коврикам
Люси и Кертису*

Пролог: I Never Thought It Would Come To This

Не то чтоб великолепная, но явно война. Скотт Эштон пригнулся, пряча голову под тарелку, которая отчасти выручала. Отсюда, из глубины сцены, ему было видно, как выныривают на свет снаряды: бутылки из-под виски, тяжелые черные из-под шампанского, фляжки из-под рома “Stroh”, стаканы, монеты, зажженные сигареты, а то и пакеты с травой, — выгодная позиция и хорошее зрение позволяли ему засекаать их и указывать своему охраннику Джону Коулу, чтоб тот подбирал их и кидал в бас-бочку для сохранности. Он следил за Игги, своим вокалистом и некогда собратом по кайфу, и все больше злился, потому что каждый раз, взвинтив толпу на новый яростный виток, он отходил назад к барабанам, и весь град снарядов летел в сторону Скотта. Но Игги не виноват, просто чуть больше угашен, чем он сам.

Продираясь сквозь тот отчаянный сет морозной ночью 9 февраля 1974 года в “Michigan Palace”, облупленном, мрачном кинотеатре двадцатых годов в центре Детройта, каждый из музыкантов находился в своем собственном мире. Клавишник Скотт Тёрстон был новенький, но уже уважал команду за упертый героизм и простецкую провинциальную надежду, которую хотелось разделить: прорвемся, победим во что бы то ни стало. Но как-то это все... вырождается, думал он. И когда Игги бросился в толпу, чтобы спровоцировать ее еще раз, он почувствовал восхищение, смешанное с жалостью. Парень был готов. Готов ко всему, кроме успеха.

Джеймс Уильямсон, крутой гитарист, для которого The Stooges были прежде всего пропуском в личную славу, известный среди ближайшего окружения под кличкой Череп, сосредоточась на том, чтобы гитара строила, и на своих опасных риффах, поглядывал на Игги почти презрительно. С задних рядов его научно-фантастический костюмчик, работа голливудского дизайнера Билла Уиттена, смотрелся довольно впечатляюще, но вблизи было видно: вещь изрядно ношенная. Еще с месяц назад он тащил группу вперед, хотел нового материала, репетиций, пусть даже без надежды на релиз. Но и он уже начал отчаиваться. Вокалист не тянет, да и сам он не тянет. Повеселиться, конечно, удалось изрядно, но пламенная тяга к успеху иссякла. Раньше хоть интересно было наблюдать весь этот спектакль, а теперь надоело. Игги его предал, а теперь он и сам уже ничего не может. И все же Джеймс чувствовал остатки симпатии к бывшему другу, зная, каково ему сейчас.

Рон Эштон был опустошен. Его унизили, пересадили с гитары на бас, никакой уже дружбы ни с братом, ни с Игги, только остатки надежды, что группа, которую они вместе создавали, сможет выполнить свою миссию и стать американскими «Роллингами». Но свободный, в отличие от остального состава, от наркотиков, он сознавал с неизбежной ясностью, что этот тур есть битье дохлой лошади, лошади, превращающейся в прах. До сих пор он держался на мрачном юморе, развлекая всех убийственными замечаниями насчет состояния команды и ее солиста. Были девчонки, были времена, были, да сплыли.

И наконец, Игги. Неуязвимый Игги, который всасывает, как пылесос, любые наркотики, что окажутся перед носом, которого тур-менеджер несколько раз за последний месяц вытаскивал на сцену в бесчувственном состоянии, который пару дней назад пострадал в разборке с байкерами, но тут же пригласил их в «Michigan Palace» для продолжения. Который уже настолько физически и морально измучен и самим собой, и окружающими, что порой кажется: его жизненные силы и лучезарная внешность на исходе. Похоже, у него такой тяжелый срыв, что вся

нервная система необратимо повреждена. Лицо одутловатое, и морщины собираются вокруг глаз — гипнотических синих глаз, обвороживших столько американских девиц. Сегодня он решил подразнить байкерскую публику, уверенную, что он голубой: вырядился в черное трико и какой-то шарфик, повязанный на манер прозрачной юбочки. Несмотря на идиотский прикид (а может, благодаря?), сообщил он байкерам, их девчонки продолжают его хотеть. И на всякий случай, если кто не понял, объявил следующую песню: “Cock In My Pocket” («Болт в кармане»). Даже сейчас, по-балетному гибко скача по сцене, он какой-то шаманской силой наэлектризовал толпу, наполовину опьяненную, наполовину презрительную, а то и просто отупевшую от квалюда, дежурной дури “Michigan Palace”. Бандитская, психотическая гитара Джеймса Уильямсона опять и опять бросала Игги вперед, отправляя его в песни вроде “Gimme Danger” («Мне нужна опасность») и “I Got Nothing” («У меня ничего нет»), песни об обреченности, песни, которые он не мог не писать, несмотря на то что ни один рекорд-лейбл им не интересовался. Теперь, похоже, весь зал — и друзья, и враги — знал, что он обречен. И когда он выплевывал: «Можешь бросать в меня весь лед мира, мне все равно, я зарабатываю десять тысяч, и пошла ты...» — все понимали, что это пустая бравада. И даже если Игги Поп не знал этого, то Джим Остерберг, человек, создавший это необузданное альтер эго, — знал.

Переговорив с Джимом перед началом, Майкл Типтон, который собрался записывать концерт на магнитофон, понял, что это будет последний концерт The Stooges, — для Игги повод повалять дурака, поиздеваться над публикой и над собственным отчаянным положением. Многие, и фанаты, и недруги, ходили на Stooges поглазеть, во что Игги нарядится на сей раз, поприкалываться над пикировкой между группой и публикой, но сегодня вечером их ждал цирк еще более абсурдный, чем когда-либо. «Я круче всех!» — кричал Игги в самые смертельные моменты, когда на сцену летели яйца, и одно угодило ему в лицо. Тем временем Рон следил, чтоб летящая из зала зажженная сигарета не

попала ему в волосы. Сверкнув в лучах прожекторов, шелкнула по черепу тяжелая монета. Рон пощупал лоб: на пальцах была кровь.

Всему окружению Stooges было ясно, что цирк пора прекращать. Натали Шлоссман, некогда организатор их фан-клуба, опекала их почти четыре года, нянчилась с Игги, когда он терял контроль, зачастую укладывала его в постель и забирала одежду, тщетно надеясь, что он не станет шляться нагишом по гостиничным коридорам в поисках кайфа. Видывала она их и в любых сексуальных комбинациях: Джеймс в заляпанной кровью ванной с двумя, Игги в спальне с тремя, Скотти Тёрстон и Рон в гостиничном номере с одной, двадцать человек в режиме оргии у Игги в номере, — но смотрела на все это сквозь пальцы, с материнской заботой готовила еду, стирала замызганные костюмы. И прекрасно знала, что в любом состоянии, даже самом жалком, на сцене Игги все равно найдет в себе что-то чистое и честное, к чему сможет подключиться. Но сейчас ее раздражала гнетущая атмосфера в группе; всему виной, думала она, прежде всего Джеймс Уильямсон. Чем скорее это кончится, тем лучше для всех.

Подойдя к Типтону, Игги спросил, сыграть ли “Louie Louie”. Уильямсона не прельщала перспектива гонять заезженную гаражную классику, но все же он завел три примитивно-грубых аккорда, и группа рванулась следом. Игги орал: “I never thought it would come to this”, и кочегарилось тупорылое пекло, и “fuck you” летело в толпу, таща за собой непристойный вариант текста, с которым восходила звезда Джима Остерберга, поющего барабанщика, лет десять назад. Песня, открывшая его карьеру, отлично подходила для ее завершения. Тогда, идиллическим летним вечером 1965-го, он тусовался среди мичиганской элиты, и пятнадцатилетние девочки невинно забрасывали сцену его любимыми конфетами. Теперь культурные амбиции аудитории, кажется, доросли до кровавых автокатастроф. Ее интеллектуальному уровню как нельзя лучше соответствовала эта переделка песни Ричарда Берри, тупой детройтский гимн с непристойно-

школярскими виршами. “She got a rag on, I move above”, пел он хрипло, но четко; наклонялся к публике и пристально смотрел, желая удостовериться, что они поняли, о чем речь, — о месячных: “it won’t be long before I take it off... I feel a rose down in her hair, her ass is black and her tits are bare”.

На сей раз, пока Джеймс Уильямсон выдавал свое злодейское соло, Игги удержался от прыжка в зал. Через несколько минут стероидное соло сдулось в сравнительно сдержанный основной рифф, и Игги мягко промурлыкал последний куплет. Внезапно все кончилось, Скотти выдал дробь на малом барабане, и Игги объявил: «Ну вот, вы опять промахнулись, желаю удачи в следующий раз», и исчез за кулисами. Но следующего раза не будет.

Этот смешной и жалкий концерт не был самой нижней точкой в их недавней истории. Бывали и худшие унижения, уходили со сцены побитые и опозоренные. Тут хоть сет доиграть удалось. Но боевой дух солиста наконец иссяк. Он хранил верность музыке, с помощью которой надеялся изменить мир, но все превратилось в дерьмо. На следующее утро он обзвонил своих музыкантов и сказал, что больше не может.

Если бы он знал, что ждет впереди, может, и остался бы в компании The Stooges: дно еще далеко, падать еще очень глубоко, до самых низов голливудской тусовки, где на него будут набрасываться, как стервятники на падаль, или развлекаться его хулиганством, чтобы потом публично насмеяться. И он, похоже, наконец отказался от своих амбициозных притязаний и объявил тем немногим, кто еще хотел слушать, что на нем и на Stooges лежит заклятье. И выхода нет.

Потом будет растерянное, полусонное существование, психиатрическая лечебница, заброшенный гараж на пару с голливудским мальчиком по вызову. Потом тюрьма. Забвение, по мнению многих, — заслуженное. Кто-то из друзей умер от героинового передоза или просто от алкоголя, а из Игги сделают посмешище, пример бесславного поражения.

И все же, когда Игги лег на дно, пошел слух о героической кончине группы The Stooges. Для кого-то это было современное

воплощение пыльных мифов дикого Запада: несгибаемая пятерка отстреливается в обреченной на поражение схватке. Для других параллель чуть ли не библейская: скоро британский журналист, личный Иоанн Креститель Игги Попа, полетит с этой мичиганской записью из Лос-Анджелеса в Париж, и ее будут передавать из рук в руки, как святыню. И всякий юный фанат, взяв в руки серебряно-черный конверт пластинки *Metallic KO* с фотографией Игги, распростертого подобно некоему гомоэротическому Иисусу Христу, понимал: тут содержится жизненно важное сообщение. Это было долгожданное противоядие надутой помпезности прогрессив-рока, самодовольной уютности кантри-рока, всей этой искусственной продукции безликих продюсеров и сессионных музыкантов. Игги и The Stooges были настоящие: героически-обреченные и слишком тупые, чтобы это осознать. Их солист стал символом: символом животной силы, тоски, энергии и летаргии — и преданности своей музыке, которая едва не стоила ему жизни, и все еще впереди.

А потом эти юные фанаты пустились в собственные изыскания. Брайан Джеймс, гитарист команды под названием *Bastard*, отправился на «поиски собственного Игги», в результате чего возникло две ключевых группы: *London SS* (на развалинах которой позднее возникли *The Clash* и *Generation X*) и *The Damned*, заложившие основы нового движения, окрещенного «панком». Приобрел пластинку и Ян Кертис, подающий надежды парнишка из Манчестера, и поставил ее своим собратям по группе *Warsaw*, позже переименованной в *Joy Division*. Басист *Joy Division*, Питер Хук, был одним из многих, кто восхитился *Metallic KO*: «настоящий концерт, настоящая живая запись», единственный живой концерт, в полной мере отражающий, как это — быть на сцене, где все «балансирует на лезвии ножа», как на их собственных быстро приобретающих популярность хаотичных выступлениях. Послушали пластинку и другие английские ребята, Джон Лайдон и Глен Мэтлок, и приспособили песни *The Stooges* для своей группы, *Sex Pistols*. Без конца крутил ее среди ночи со своей новой любовью, в один из приездов

в Нью-Йорк, и Джо Страммер, с головой погружаясь в ее напряженный грохот. Десятилетиями позже слушали The Stooges Энтони Кидис и Джек Уайт. Конечно, не все, кто слушал *Metallic KO* и предыдущие альбомы Stooges, собрали собственные группы. Но их было достаточно для того, чтобы через несколько лет непобедимый Игги восстал из пепла, поддержанный новой публикой. Еще один удивительный поворот судьбы, которая всегда опрокидывает ожидания, как лучшие, так и худшие.

*

К 1976 году Игги Поп вернул себе ауру неубиваемости и воскрес из летаргии навстречу новому поколению. Но пока оно дивилось, что этот «забытый миром парень», как он сам себя называл, вообще выжил, для него готовился новый сюрприз. Дон Уос, знаменитый продюсер The Rolling Stones, Боба Дилана и так далее, который видел The Stooges в молодости и участвовал в возрождении карьеры Игги в 1990-е, говорит об этом так:

«Когда я с ним встретился, я не мог поверить глазам. Не то чтобы это противоречило всему, что я знал о нем. Но я был поражен, что человек, который готов кромсать себя битым стеклом, настолько вменяем. Это не значит, что он был слишком умен для того, чтобы все это творить, и что все это вранье. Но шок был полнейший».

Удивление Дона Уоса понятно: ведь он встретился не только с Игги Попом, но и с Джимом Остербергом — амбициозным, обаятельным, харизматичным парнем из Анн-Арбора, породившим этого легендарного рок-н-рольного зверюгу. Многие попадавшие в прожектор личного общения с этим человеком говорят о том же. Голос у Джима теплый, интеллигентный, напоминает Джимми Стюарта, и весь он настоящая американская икона: живой, обаятельный, остроумный. Изумительно гибкий, он обитает в своем теле изящно, как кот. Разговор переходит от Бертольта Брехта к греческой мифологии, от авангарда к тай-чи, обсуждается разница между аполлоническим и дионисийским началами. В синих глазах почти обескураживающе пристальное

внимание, но иногда он отводит их с какой-то мальчишеской застенчивостью или расплывается в широкой ухмылке, венчая очередной душераздирающий анекдот. Голос его богат и выразителен; он внимательно слушает вопросы, веселясь над смехотворными моментами собственной жизни, метко описывая нелепые обстоятельства, в которые сам себя загонял, карикатурно подражая саморазрушительным голосам, звучавшим в его голове. Для человека, признанного, наверное, наиболее самозабвенным и мощным исполнителем из когда-либо появлявшихся на сцене, он поразительно самокритичен. Но никогда, ни на минуту не позволяет усомниться в том, что его преданность музыке непреклонна и абсолютна.

Когда выходишь от Джима Остерберга, кружится голова — от любви и восхищения, от глубокого уважения и симпатии. Друзья-музыканты, случайные люди из публики, сильные мира сего и медиамагнаты, бесчисленные тысячи людей рассказывают о своих встречах с этим энергичным, талантливым, неукротимым человеком, который побывал на самом дне и вынырнул с неоспоримым достоинством. Все они поражаются, насколько противоречива и полна иронии эта его невероятная судьба. И все же никто не в состоянии полностью прочувствовать все взлеты и падения этого опыта, экстремальные точки которого попросту выше человеческого понимания.

Без сомнения, многие рок-музыканты так же страдали от насмешек и насилия, бесчисленные другие проявляли неплохие способности к саморазрушению, некоторые спустя десятки лет заслужили славу героев среди легионов последователей. И все же никому не удавалось обращаться к поколению за поколением на таком интимном, глубоко личном уровне и поднимать волну за волной новой музыки. Так же как Брайан Джеймс из *The Damned* свой *Fun House* в начале 1970-х, раз за разом почти через двадцать лет крутил *Raw Power* Курт Кобейн из *Nirvana*, записывая в дневник, что это его любимый альбом всех времен; он даже песню посвятил своему герою. А еще позже, уже в новом столетии, Игги наконец стал появляться на фестивалях на-

ряду со своими именитыми фанатами, вроде The White Stripes или Red Hot Chili Peppers, прыгая, вертясь и визжа перед десятками тысяч юнцов. (А в это время музыканты, которые некогда обгоняли его в чартах, кидались в него лампочками и публично опускали как неудачника, продолжали играть для тающей кучки стареющих поклонников).

Все качества Игги Попа, которые когда-то вызывали возмущение или непонимание, — внешний вид, стремление разрушить преграду между артистом и публикой, красноречивая простота его музыки, вызывающая аномия его текстов — стали неотъемлемыми элементами современной рок-альтернативы. Переворот, практически не имеющий параллелей, и все же нельзя сказать, что это просто такой сказочный конец. Через все физические и ментальные разрушения, катастрофы и отказы, десятилетие за десятилетием, Игги Попа пронес и благополучно вытащил его создатель, Джим Остерберг.

Сегодня легенда и музыка Игги Попа прославлены. И все же за ними стоит бесчисленное множество запутанных историй и тайн. Каким образом один и тот же музыкант мог быть столь почитаем и столь гоним? Как мог один и тот же человек быть так умен и так глуп?

Глава 1. Most Likely To

Шоссе 31, прекрасная дорога на Силвер-лейк, курорт к востоку от озера Мичиган, где зависали летом старшекласники, которым повезло стать обладателями собственных автомобилей. На дворе 1965 год, и Джим Остерберг только что примкнул к клану автовладельцев, хотя по обыкновению избежал всех формальностей: и получения прав, и даже уроков вождения. На Линн Клавиттер, его постоянную подружку в двенадцатом классе, произвел большое впечатление тот факт, что Джим смог скопить на фургон «шевроле» 1957 года, правда, сам уровень вождения — а до курорта было 200 миль — впечатлил ее гораздо меньше. И чем больше она (мягко, без нажима) просила его ехать помедленнее, тем сильнее ее добродушный, забавный, но ужасно упрямый приятель жал на газ, уверяя, что все под контролем.

До Серебряного озера было уже недалеко, когда Линн начала терять терпение: Джим загонял сопротивляющийся старый красно-белый «шевроле», пытаясь выжать из него 90 миль в час. И вот они уже кричат друг на друга, и внезапно задняя часть фургона завиляла и вышла из-под контроля. Машина вылетела с дороги, перевернулась раз, другой, третий, завалила пару деревьев и застряла в кустах колесами вверх. Щепки и пыль наполнили салон.

Под затихающее урчание мотора ребята выбрались наружу через окна и устали друг на друга. Машина была совершенно разбита, но, помимо царапин от веток и синяков (у Джима)